

Научная статья  
УДК 821.581  
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-1-23-87  
EDN UAPVOY

**Реконструкция классического статуса «Ляо Чай Чжи И»  
в русскоязычном мире**

**Ван Ляньцэнь<sup>1✉</sup>, Ли Ифан<sup>2</sup>**

<sup>1</sup>Кандидат педагогических наук, доцент, Юго-Западный университет, КНР, г. Чунцин.

<sup>2</sup>Аспирант Юго-Западного университета, КНР, г. Чунцин

<sup>1</sup>wangliancen@126.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-4831-4469>

<sup>2</sup>liyifang97@126.com; <https://orcid.org/0009-0001-3517-6466>

**Аннотация.** Статья посвящена реконструкции классического статуса «Ляо Чжай Чжи И», важнейшего произведения китайской литературы не только в контексте самой китайской культуры, но и в мировом литературном процессе, включившем элементы китайского фольклора, мистики и социальной критики, ставшего настоящим классическим наследием, которое оказало значительное влияние на литературу разных стран. В статье рассматривается процесс восприятия и интеграции «Ляо Чжай Чжи И» в русскоязычную культуру, который можно разделить на несколько этапов: доклассический период, когда произведение только начинало привлекать внимание читателей; формирование тенденции к его классичности, что способствовало признанию его важности; установление классического статуса, который закрепил произведение среди мировых литературных канонов; и, наконец, укрепление и продолжение его классического положения в современном культурном контексте. В статье комментируются наиболее значимые переводы В. М. Алексеева, П. Устина и А. Файгара, А. Г. Сторожука, способствовавшие канонизации «Ляо Чжай Чжи И». Канонизация произведения в русскоязычном мире объясняется как внутренними качествами текста, его литературной ценностью и универсальностью, так и внешними факторами. Важную роль в этом процессе сыграли переводы, а также деятельность издателей, которые регулярно выпускали новые версии произведения, укрепляя его статус в культурном сознании. Преподавание «Ляо Чжай Чжи И» в образовательных учреждениях и разработка курсов по китайской литературе способствовали углубленному восприятию этого произведения в академической среде и ускорили его канонизацию. Переводы, относящиеся к различным эпохам, стали не только классическими произведениями перевода, но и важными инструментами канонизации «Ляо Чжай Чжи И» в России. Благодаря переводам китайская культура укоренилась в российской культуре, а различные степени взаимного влияния двух культур нашли отражение в переводах классики, которая также представляет собой результат диалога между культурами.

---

© Ван Ляньцэнь, Ли Ифан, 2025

**Ключевые слова:** «Ляо Чжай Чжи И»; канонизация; русскоязычный мир; Пу Сунлин; реконструкция; перевод; синология; китайская культура; русская культура; диалог культур

**Для цитирования:** Ван Ляньцэнь, Ли Ифан Реконструкция классического статуса «Ляо Чай Чжи И» в русскоязычном мире // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 1 (23). С. 87-104. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-1-23-87>. <https://elibrary.ru/UAPVOY>.

Original article

**Reconstructing the classical status of “Liao Chai Zhi Yi”  
in the russian-speaking world**

**Wang Liancen<sup>1✉</sup>, Li Yifang<sup>2</sup>**

<sup>1</sup>Candidate of pedagogical sciences, associate professor, Southwest university, Chongqing, PRC.

<sup>2</sup>Postgraduate student, Southwest university, Chongqing, PRC

<sup>1</sup>wangliancen@126.com ✉, <https://orcid.org/0000-0002-4831-4469>

<sup>2</sup>liyifang97@126.com; <https://orcid.org/0009-0001-3517-6466>

**Abstract.** The article focuses on reconstructing the classical status of “Liao Zhai Zhi Yi”, the most important work of Chinese literature not only in the context of Chinese culture itself, but also in the world literary process. It included elements of Chinese folklore, mysticism and social criticism, thus becoming a true classical heritage that has had a significant impact on literatures of different countries. The article examines the process of perception and integration of “Liao Zhai Zhi Yi” into russian-speaking culture, which can be divided into several stages: the pre-classical period, when the work was just beginning to attract the readers' attention; the formation of a tendency towards its classicism, which helped to recognize its importance; the establishment of a classical status that placed the work among the world's literary canons; and, finally, the consolidation and continuation of its classical position in the contemporary cultural context. The authors comment on the most significant translations by V. M. Alekseev, P. Ustin and A. Faigar, as well as A. G. Storozhuk, which contributed to canonization of “Liao Zhai Zhi Yi”. Canonizing the work in the Russian-speaking world is explained both by the inherent qualities of the text, its literary value and universality, and by external factors. An important role in this process was played by translations, as well as the publishers' activity, who released new versions of the work on a regular basis, strengthening its status in the cultural consciousness. Teaching “Liao Zhai Zhi Yi” in educational institutions and working out courses on chinese literature contributed to a deeper understanding of this work in the academic community and accelerated its canonization. Translations from different centuries have become not only classical translation works, but also important tools for the canonization of “Liao Zhai Zhi Yi” in Russia. Through the translations, chinese culture has taken root in russian culture, and the different degrees of mutual influence between the two cultures are reflected in the translations of classics, which also result from the dialogue of cultures.

**Key words:** “Liao Zhai Zhi Yi”; canonization; russian-speaking world; Pu Sunlin; reconstruction; translation; sinology; chinese culture; russian culture; dialogue of cultures

**For citation:** Wang Liancen, Li Yifang Reconstructing the classical status of “Liao Chai Zhi Yi” in the russian-speaking world. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 1(23): 87-104. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-1-23-87>. <https://elibrary.ru/UAPVOY>.

### Введение

«Ляо чжай Чжи И» (далее «Ляо-Чжай») с момента своего появления на китайской земле продолжает излучать завораживающее очарование и пользуется широкой известностью. С 1842 года, когда Карл Фридрих Август Гютцлафф впервые перевел «Ляо-чжай» и представил его англоязычному миру, всё больше людей заинтересовались этим загадочным произведением. Благодаря этому книга была широко распространена по всему миру и стала классическим произведением мировой литературы. Россия сыграла первостепенную роль в переводе и распространении китайских классических произведений за рубежом. С 1878 года в газете «Новости» в Санкт-Петербурге была опубликована статья «Ядовитая трава» из «Ляо-Чжай», переведенная Н. Монастыревым. Это событие не только ознаменовало начало перевода «Ляо-Чжай» в России, но и предвредило более чем столетний процесс его канонизации, что подчеркивает важное место и влияние России в продвижении китайской культуры за рубежом. За это столетие множество переводчиков передавали эстафету перевода, несколько издательств совместно трудились над созданием различных классических переводов, благодаря чему китайская культура укоренилась и широко распространилась в России. Процесс канонизации «Ляо-Чжай» в России стал результатом взаимодействия множества субъектов,

текстов и культурных элементов. Элементы китайской культуры в «Ляо-Чжай» были не только восприняты, заимствованы и имитированы в разнообразной литературной системе русского языка и подсистеме перевода, но и оказали положительное влияние на русскоязычную культуру. Более того, «Ляо-Чжай» стал частью авторитетных антологий переведенной литературы, учебников и справочников, став примером цивилизованного взаимного обмена. Существующие исследования либо предлагают краткий обзор перевода и распространения «Ляо-Чжай» в России [李明滨, 2011; 高玉海, 2022, 雷丽斯, 2021], либо исследуют слова с культурным коннотивным компонентом [朱倩倩, 2017], либо проводят исследования отдельных переводов [王晔, 2017; 韩丹; 张志军, 2023; 尹雪艺, 2024]. Однако, несмотря на более чем столетнюю историю перевода и распространения «Ляо-Чжай» в России, лишь немногие ученые углубленно анализируют его с точки зрения формирования канона. Канонизация «Ляо-Чжай» в русскоязычном мире – это долгий и сложный процесс. В данной статье будет рассмотрен путь реконструкции канонизации «Ляо-Чжай» в русском переводе, а также подробно проанализированы многогранные факторы, способствующие его канонизации.

Данная статья будет сосредоточена на анализе следующих вопросов: 1) Какие этапы можно выделить в более чем столетнем процессе перевода и

канонизации «Ляо-Чжай» в России? Какие особенности характерны для каждого из этапов? Какие переводы этого произведения стали наиболее значимыми и приобрели статус классических? 2) Какие переводчики внесли наиболее значительный вклад в канонизацию «Ляо-Чжай» в России на протяжении этого периода? 3) Какие факторы оказали влияние на процесс канонизации «Ляо-Чжай» в России? Как, являясь важным носителем китайской культуры, это произведение взаимодействует с китайской и российской культурами в ходе своего распространения в России? 4) Как культурное взаимодействие между китайской и российской культурами повлияло на процесс канонизации произведения? Целью данной статьи является раскрытие сложного процесса канонизации «Ляо-Чжай» в России, а также исследование взаимосвязи и влияния между субъектами, текстами и культурами в этом контексте.

### **Процесс канонизации «Ляо-Чжай» в русскоязычном мире**

Исследования китайских ученых, таких как 查明建 (2004), 胡安江 (2008), 宋学智 (2015) и 王恩科 (2011), стали теоретической основой для анализа канонизации переводной литературы. Чжа Миньцзянь предложил следующее определение «канонизации переводной литературы»: «... во-первых, это выдающиеся переводы, сыгравшие значительную роль в истории мировой переводной литературы; во-вторых, это литературные шедевры, переведенные на другой язык; и, наконец, это иностранные произведения (переводная литература), которые приобрели статус «канонических» в рамках специфического культурного контекста языка перевода» [查明建, 2004, с. 90].

Данное исследование относится к третьей категории – процессу восста-

новления канонизации произведений, которые, будучи переведены, становятся широко распространёнными в стране перевода и проходят через многократные переиздания и повторные переводы. Канонизация представляет собой процесс, в ходе которого литературные произведения, подвергаясь многократному чтению читателями и длительным исследованиям критиков и учёных, в конечном итоге признаются произведениями, обладающими гениальностью и оригинальностью [许一飞, 2019].

Влияние переводов «Ляо-Чжай» и их дальнейшие исследования способствовали канонизации произведения в русскоязычном мире. Этот процесс можно условно *разделить на четыре этапа*: 1) период до канонизации, 2) зарождение тенденции канонизации, 3) установление канонического статуса, 4) закрепление и продолжение канонического статуса.

#### *(1) Конец XIX века: Период до канонизации*

В конце XIX века сформировалась группа переводчиков, во главе с российскими миссионерами и синологами, среди которых можно выделить В. П. Васильева, Н. Монастырёва, А. И. Иванова, И. Баранова, Ф. Ф. Дониленко, П. В. Шкуркина и других, занимавшихся китайской литературой. Однако их переводы произведений, включая «Ляо-Чжай», не являлись литературными переводами в традиционном смысле. Основной целью переводов было преподавание китайского языка, и «Ляо-Чжай» использовался в качестве учебного материала.

Хотя «Ляо-Чжай» вошёл в русскоязычный мир ещё во второй половине XIX века, в последующие 50 лет переводы произведения были крайне ограничены. Именно в этот период «Ляо-Чжай» начал переводиться на русский язык. В. Васильев, первый академик

русской синологии, стал основателем российской «Ляо-Чжай» школы. В своём труде «Очерк истории китайской литературы» (1880), который является первой в мире историей китайской литературы, он написал: «Что касается изысканности языка и лаконичности повествования, то жанр фантастических рассказов (как «Ляо-Чжай») заслуживает высокой оценки» [Васильев, 2016, с. 210]. Его работы и оценка «Ляо-Чжай» стали основой для дальнейшей канонизации произведения в русскоязычном мире.

*(2) До середины XX века: зарождение тенденции канонизации*

С наступлением русской революции 1917 года синологические исследования в России вступили в новый этап. В 1919 году М. Горький предложил создать издательство Всемирной литературы и основать журнал «Восток», целью которого было распространение иностранной литературы в Советской России и знакомство широкой аудитории с произведениями мировой культуры. Он пригласил многих известных ученых в качестве консультантов, среди которых был и основатель советской синологии В. М. Алексеев.

Китайская литература была одной из самых любимых областей исследований В. М. Алексеева, и именно он первым выдвинул идею о том, что литература истинно отражает жизнь и судьбы народа. Он утверждал, что для того, чтобы понять культуру другой страны, важнейшим шагом является изучение её литературы. В. М. Алексеев прекрасно знал китайский язык и историю китайской культуры, что производило глубокое впечатление на его современников. Он также утверждал, что развитие литературы зависит от уровня развития общества и связывал китайскую литературу с материальной и духовной культурой народа.

В. М. Алексеев не раз подчёркивал, что «Ляо Чжай» – это не китайская сказка и не экзотическая история, а настоящая литературная классика. Он подходил к переводу и изучению «Ляо Чжай» как к произведению высокой литературы, надеясь, что через чтение этого произведения русскоязычные читатели смогут лучше понять древнюю и загадочную китайскую культуру. В 1922 году он выпустил первый сборник переводов «Лисьи чары» из «Ляо Чжяя», а в течение последующих двадцати пяти лет издал ещё четыре тома произведений, что сделало этого китайского писателя XVII-XVIII веков чрезвычайно популярным в русскоязычном мире. Можно сказать, что именно В. М. Алексеев стал тем человеком, который действительно ввёл «Ляо Чжай» в русскоязычный мир. Его переводы оказали огромное влияние на будущих выдающихся переводчиков произведения, таких как Б. Рифтин, П. Устин и А. Сторожук.

Переводческие работы В. М. Алексеева вывели «Ляо-Чжай» за пределы круга сиологов и сделали его доступным широкой аудитории, тем самым стимулируя зарождение тенденции канонизации произведения в русскоязычном мире, хотя на тот момент эта тенденция ещё находилась на стадии формирования. Однако в 1930-1940-х гг. Советский Союз переживал период «очистки рядов» и политической нестабильности, а в 1941 году началась Вторая мировая война. Этот период стал временем серьёзных трудностей для развития советской синологии. Перевод «Ляо Чжай» был подвергнут критике: В. М. Алексеев был обвинён в «реакционности» и «снисходительности к мистицизму». В результате влияние переводов «Ляо Чжай» было ограниченным, как и его распространение в Советском Союзе.

(3) *Середина XX века – начало XXI века: установление канонического статуса*

С момента основания нового Китая в 1949 году, когда отношения между Китаем и Советским Союзом были особенно тесными, в СССР началась волна интереса к китайской культуре. В 1950-е годы советские синологи активно переводили и публиковали как классические китайские произведения, так и современные работы. Перевод «Ляо-Чжай» В. Алексеевым продолжал издаваться, и общий тираж его переводов составил около 300 тысяч экземпляров, что значительно способствовало распространению и влиянию произведения.

Вслед за этим появилось множество научных работ, посвящённых «Ляо-Чжай», таких как исследования А. Тишкова, О. Фишмана, П. Устина, Т. Соколова, Н. Конрада, Б. Рифтина и других. К концу XX века статус «Ляо-Чжай» как классического произведения в русскоязычном мире был окончательно закреплён, и возникли *несколько знаковых признаков канонизации произведения, проявляющихся в трёх аспектах.*

*Во-первых*, в русскоязычном мире появилось множество известных переводчиков произведений «Ляо-Чжай», среди которых следует выделить таких выдающихся сиологов и ученых, как В. М. Алексеев, П. Устин, А. Файнгар, О. Фишман, А. Тишков, А. Хамадан, Т. Соколова, Н. Конрад, Б. Рифтин, В. Сорокин и других. Этот текст переводили в Эстонии Андреас Эхин (Andreas Ehin), в Латвии Петр Шмидт (Peter Schmidt), в Таджикистане Ш. Сабирова и в Киргизии А. Избаев.

Особое внимание заслуживает тот факт, что, за исключением латышского языка, переводы на языки пяти советских республик в основном основыва-

лись на русском переводе В. Алексеева, что подтверждает высокий авторитет его переводов в Советском Союзе.

В этот период в области перевода «Ляо-Чжай» и исследования творчества Пу Сунлина были также изданы многочисленные влиятельные работы. Среди них можно выделить следующие: «Пу Сунлин и его просветительские взгляды» (П. Устин, 1970), «Некоторые особенности поэтической цитаты в новеллах Пу Сунлина» (П. Устин, 1974), Сборник «Алексеев В. М. Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о чудесах» (Л. Эдлин, 1973), «В. М. Алексеев – исследователь и переводчик Ляо Чжая» (О. Фишман, 1972), «Специфика художественного образа в новеллах Пу Сунлина (функции образа лисы-оборотная)» (Т. Соколова 1976), «Рецензии на рассказы Ляо-Чжай» (Н. Конрад, 1977), «Удивительные истории из кабинета Ляо и их автор – Пу Сунлин» (на украинском языке, Б. Рифтин, 1980).

*Во-вторых*, произведения «Ляо-Чжай» и связанные с ними исследования были включены в авторитетные сборники переведенной литературы, антологии мировой литературы, учебники для университетов, а также в русскоязычные учебные материалы и справочники. Эти произведения вошли в университетские курсы и стали часто цитируемыми классическими текстами.

В этот период в русскоязычном мире было выпущено три авторитетных сборника китайской литературы в переводе на русский язык. Среди них – «Китайская литература – хрестоматия» (Р. М. Мамаев, 1959), в которую вошло 12 рассказов из «Ляо-Чжай» в переводе В. М. Алексеева; сборник «Китайская проза IX-XVIII вв. – Классическая проза Дальнего Востока» (Б. Рифтин, 1975), изданный в рамках серии «Биб-

лиотека мировой литературы». Этот сборник стал первым томом в проекте, подчеркнувшем влияние китайской литературы на литературы других стран Восточной Азии, таких как Япония, Корея и Вьетнам; сборник «Сказки Китая и Японии» (С. Добровольская, 1989), включающий произведения китайской и японской литературы, что подчеркивает взаимосвязь и влияние этих литературных традиций друг на друга.

Б. Рифтин отмечал, что китайская литература является самой древней в Восточной Азии и что темы, сюжетные линии и структура произведений китайских классиков стали основой и источником для литературы китайской культурной области. Исследования показали, что китайская литература оказала глубокое влияние на литературы Японии, Кореи и Вьетнама, проявившееся не только в литературном языке и формах, но и почти во всех аспектах духовной культуры этих стран [Рифтин, 1975].

Что касается авторитетных справочников, то в книге «Духовная культура Китая. Литература. Язык и письменность» под редакцией М. Титаренко была посвящена отдельная статья Пу Сунлину. Включение произведений в учебные материалы для вузов также имело важное значение. В 1868 году В. Васильев, преподаватель китайского языка, использовал «Китайскую хрестоматию» как учебник, а В. М. Алексеев долгое время использовал «Ляо-Чжай» в качестве учебного материала. С 1960 года это произведение начало преподаваться в университетах России. Кроме того, П. Устин, преподававший китайский язык и литературу на факультете Института стран Азии и Африки Московского университета, подготовил

учебники, в которых также была отдельная глава, посвященная Пу Сунлину.

В-третьих, канонизация перевода «Ляо-Чжай» является важной оценкой самого перевода, которая также служит индикатором его классического статуса. Н. Конрад высоко оценил работу В. Алексеева, отметив, что он не только глубоко знал классический китайский язык и эволюцию языковых форм, но и был хорошо знаком с китайской культурой и мировоззрением китайцев, умело интегрируя эти элементы в свой перевод. Он также подчеркнул, что В. Алексееву удавалось адекватно воспринять и сохранить эти особенности в переводе [Конрад, 1925].

М. Банковская подчеркивает, что её отец, В. М. Алексеев, был выдающимся переводчиком, который успешно сохранял и передавал китайскую литературную традицию. В его переводах была сохранена оригинальная повествовательная стилистика. Для передачи особенностей языка «Ляо-Чжай» он часто использовал заимствованные слова и, порой, создавал новые термины, что придавало его переводам живость, плавность и насыщенность, сохраняя при этом колорит оригинала [Банковская, 2000].

Б. Рифтин высоко оценил новаторский подход В. Алексеева, отметив, что созданные им новые термины не только передают культурные особенности оригинала, но и помогают российским читателям понять эти особенности. В дополнение к этому, работа В. Алексеева была высоко оценена за богатые аннотированные комментарии, которые имели важное фольклорное значение и способствовали более глубокому пониманию произведения.

Не только российские китаисты, но и западные литературоведы, включая

известных переводчиков западной литературы, высоко оценили переводы В. Алексеева. Известный французский китаист Э. Гаспардон в своем обзоре, опубликованном в журнале «Французской школы Дальнего Востока», высоко похвалил три сборника перевода «Ляо-Чжай» В. Алексеева, отметив их точность и выразительность. Также известный немецкий китаист опубликовал рецензию, в которой сравнил два перевода «Ляо-Чжай» В. Алексеева с переводом другого китаиста, Герберта Аллена Джайлса. Он подчеркнул, что перевод А. Джайлса содержал множество ошибок, в то время как перевод В. Алексеева был значительно более точным и качественным, превосходя работу А. Джайлса по ряду критериев. Эти международные оценки свидетельствуют о высоком признании работы В. Алексеева в западной китаистской и переводческой среде.

*(4) XXI век: укрепление и продолжение классического статуса*

В XXI веке продолжается процесс укрепления и становления классического статуса «Ляо-Чжай», что подтверждается регулярными новыми переводами и переизданиями произведений. В 2000 году Санкт-Петербургский Центр Востоковедения выпустил книгу «Странные истории из Кабинета неудачника» в переводе В. Алексеева, включающую 159 произведений. Каждая новелла в этом издании сопровождается иллюстрациями, заимствованными из литографического издания 1886 года. В приложении к изданию опубликовано длинное предисловие, написанное дочерью Алексеева, М. В. Банковской, под названием «Друзья и недруги Ляо Чжая». В этом предисловии используются многочисленные архивные материалы, касающиеся деятельности её отца, связанной

с «Ляо-Чжай», а также различные оценки его перевода.

В 2003 году московское издательство «Эксмо» выпустило книгу «Ляо-Чжай. Искусство лисьих наваждений. Китайские предания о чудесах» в переводе В. М. Алексеева (46 произведений). В 2007 году московское издательство «Восточная литература» переиздало «Странные истории. рассказы о людях необычайных» Пу Сунлина (перевод В. М. Алексеева, отв. редактор Б. Л. Рифтин), а в 2008 году была переиздана книга Пу Сунлина «Лисьи чары. Монахи-волшебники» (перевод В. М. Алексеева, отв. редактор Б. Л. Рифтин). В 2015 году в рамках серии «Китайская классика» издательство «Литературные издания на иностранных языках» выпустило «Рассказы Ляо Чжая о необычайном» на китайском и русском языках. В 2022 и 2023 гг. были выпущены 1 и 2 тома «Странных историй из кабинета неудачника» – полное собрание произведений в 12 цзюанях в 7 томах, выполненное в переводах с китайского академика В. М. Алексеева и профессора А. Г. Сторожука.

Кроме того, были изданы несколько авторитетных сборников классической китайской литературы, признанных в России, среди которых «Павильон наслаждений. Китайская эротическая поэзия и проза» (2000, 2003) и «Алексеев Василий Михайлович. Странные истории Ляо Чжая. Пу Сунлин» (2018). Эти сборники не только включают переводы «Ляо-Чжай», но и широко используются в качестве учебных материалов и пособий в университетах, что свидетельствует о продолжении и укреплении классического статуса «Ляо-Чжай» в русскоязычном мире.

**Факторы, обуславливающие классическую ценность перевода Ляо-Чжай на русский язык**

**(1) Классические качества «Ляо-Чжай»**

Произведение «Ляо-Чжай» отличается высоким мастерством в выборе и расположении слов, рифм и аллюзий, что обусловлено специфическим стилем повествования, и все эти элементы гармонично взаимодействуют в структуре произведения. Эти новеллы представляют собой выдающиеся образцы нарратива, в которых сливаются ключевые традиции китайской культуры и литературы, что позволяет произведению успешно конкурировать с признанными произведениями мировой литературы. Н. Конрад высоко оценил стиль повествования, отметив, что «“Ляо-Чжай” следует рассматривать как произведение, которое успешно соперничает с другими великими литературными образцами» [Конрад, 1925, с. 220].

Современные исследователи акцентируют внимание на том, что реализм и популярность произведений заключаются в точном воспроизведении феодальной системы и её сатирическом изображении, при этом подчеркивается, что «Ляо-Чжай» представляет собой сатиру на общество эпохи Пу Сунлина. Однако ценность коротких рассказов Пу Сунлина не ограничивается только этим аспектом. Прежде всего, это искусно сконструированные сюжеты, динамично развивающиеся ситуации и яркие, многогранные описания, представляющие собой образцы для подражания [郭皓政, 2006].

«Ляо-Чжай» обладает уникальной культурной ценностью, выражающей традиционную мораль, гуманистический дух и литературные качества, символизируя основные мировоззренческие установки китайцев, их вкусы и воображение. Эти культурные атрибуты не только определяют «Ляо-Чжай» как

важное культурное наследие, но и позволяют произведению выйти за рамки узкой истории литературы, устанавливая тесную связь с великой традицией китайской мысли и литературы.

**(2) Двойная природа «Ляо-Чжай»: литературная и историческая**

Литературные качества «Ляо-Чжай» проявляются в двух ключевых аспектах: его классической литературности и особенностях повествования. Пу Сунлин стал одним из первых китайских писателей, который привлек внимание русских китаистов и переводчиков. Его короткие рассказы стали образцом «изысканного языка» и важным материалом для изучения китайского языка. Как отмечает П. Устин, «Ляо-Чжай» представляет собой важный источник для изучения китайского языка и литературы, являясь примером высокого стиля речи и ценным материалом для лексикографических и литературных исследований [Устин, 1960].

Историческая природа «Ляо-Чжай» проявляется в глубоком духе исторического размышления, который пронизывает произведение. Эта историческая перспектива отличается от поверхностных форм текста и не претендует на эпический масштаб, как в “史记” («Исторические записки»). Вместо этого произведение сосредоточено на народных преданиях и глубинах человеческой психологии. В «Ляо-Чжай» описываются многочисленные случайные происшествия, мифические события и необъяснимые явления, что отличает его как от официальной истории, так и от традиционной народной хроники. Это соответствует взглядам западных историков на взаимосвязь между историей и литературой, а также на исследование «периферийной истории» [郭皓政, 2006, с. 20].

Как утверждал Андре Лефевр, перевод является яркой и заметной формой

адаптации текста, оказывающей глубокое влияние на восприятие оригинального произведения в другой культуре. Несмотря на выдающиеся переводческие техники, если произведение не сохраняет характерные черты «Ляо-Чжай», трудно представить, как оно могло бы сохранить свою сущность. «Ляо-Чжай» создаёт мир духов, демонов и фантастических существ, в котором переплетаются элементы литературного и исторического текстов. Этот мир образует уникальную метафорическую систему, в которой пересекаются идеи идеала и реальности. Такая метафорическая система не только раскрывает душевные терзания и стремления самого Пу Сунлина, но и отражает его размышления о истории и реальности. Таким образом, «Ляо-Чжай» является оригинальным произведением, которое можно рассматривать как поэтическую «историю». Это произведение стало значимым культурным наследием, и его поэтические черты находят отклик у русских читателей, что позволяет переводу занять своё место среди высококлассных литературных произведений. В конечном счете исключительные качества самого «Ляо-Чжай» являются основным фактором его классической трансформации в русскоязычной культуре.

### **(3) Высокий статус в оригинальной культуре**

В конце XVIII века, с появлением издания «Цинкэтин» (青柯亭), «Ляо-Чжай» стало мировым бестселлером, получив широкое признание и популярность. Как отметил Лу Синь, «“Ляо-Чжай” было популярно более ста лет, и имело множество подражателей и поклонников» [鲁迅, 2022]. Высокий статус «Ляо-Чжай» в китайской культуре стал одной из ключевых причин, по которой переводчики обращались к этому произведению. Академик В. Ва-

сильев выбрал «Ляо-Чжай» в качестве материала для преподавания китайского языка именно потому, что этот сборник был высоко оценен в эпоху Цин.

Переводчик и ученый В. М. Алексеев начал работать над этим произведением еще в 1910 году, что также связано с его высокой культурной ценностью в китайской традиции. В. Алексеев, путешествуя по Северному Китаю в 1907 году, выразил свой живой интерес к произведениям Пу Сунлина. Он стал свидетелем огромного влияния «Ляо-Чжай» в Китае: это произведение было одним из самых популярных в стране. Его можно было найти в книжных магазинах, у уличных торговцев, на рынках. Книгу читали люди разных социальных слоев и возрастных категорий, и любое образованное лицо в Китае, в первую очередь, обращалось к этому произведению. Оно привлекало внимание людей с разным уровнем образования, включая тех, кто не обладал литературными знаниями или не знал много иероглифов [Алексеев, 1958].

### **(4) Роль авторитетных ученых и экспертов**

Перевод, согласно теории «манипулятивного подхода» Андре Лефевра, является процессом, контролируемым экспертами и внешними спонсорами. С точки зрения макроперспективы, как подчеркивает Лефевр, в процессе классического перевода литературы задействованы как эксперты, так и меценаты, которые работают в тесном сотрудничестве. Переводчик играет ключевую роль в этом процессе.

В случае с «Ляо-Чжай», по результатам нашего анализа, можно выделить как минимум 16 российских синологов, которые занимались переводом и исследованием этого произведения. Усилия переводчиков и редакторов сыграли важнейшую роль в становлении «Ляо-Чжай» как классики в русско-

язычном мире. Все эти переводчики были признанными фигурами в российской синологии.

Академик В. М. Алексеев, также известный как “阿翰林”, внес бесценный вклад в русификацию «Ляо-Чжай». Он был признанным авторитетом в области философии, литературы, этнографии, историографии и теории перевода. Его перевод «Ляо-Чжай» считается каноническим, и он стремился сохранить изысканный стиль классического китайского языка Пу Сунлина, соблюдая максимальную точность и красоту перевода. Работы В. Алексеева отличались тем, что он использовал старинные слова и фразы, сохраняя древнюю литературную структуру. Он также создал новый повествовательный стиль, который позволил русскоязычным читателям познакомиться с уникальной, но трудной для восприятия китайской культурой.

Кроме того, работы В. Алексеева стали основой для переводов «Ляо-Чжай» в других советских республиках. Переводы на эстонский, таджикский, киргизский и украинский языки часто основывались именно на его русском переводе. После В. Алексеева ученики продолжили его работу, и их усилия укрепили классический статус «Ляо-Чжай» в русскоязычном мире. Авторитет переводчиков, таких как Алексеев, сыграл важнейшую роль в превращении «Ляо-Чжай» в классическое произведение русской литературной традиции.

**(5) Профессиональные кадры: критики, классики, востоковеды**

Литературная критика играет важнейшую роль в создании моста между читателями и авторами, определяя культурное значение и художественную ценность произведений через рецензии и литературные руководства. Критики оказывают неоценимое влия-

ние на процесс классической литературной трансляции, и в оценке переводов «Ляо-Чжай» в России важную роль сыграли российские синологи, выступавшие в качестве основных литературных критиков.

Знаменитый советский востоковед и академик Н. Конрад в рецензии на перевод В. М. Алексеева, опубликованной в журнале «Восток» в 1925 году, выделил три обязательных условия для качественного перевода «Ляо-Чжай»: знание китайского языка, широкое психологическое понимание и литературное мастерство. Он подчеркнул, что переводчик должен не только владеть китайским языком, но и понимать его эволюцию, знать китайскую литературу, уметь работать с древним китайским языком и улавливать культурные отсылки. Кроме того, переводчик должен обладать глубоким знанием китайской культуры и мировоззрения, чтобы точно и с уважением передавать оригинальные смыслы. По мнению Н. Конрада, В. Алексеев полностью соответствовал этим требованиям. Он хвалил его перевод, отметив, что В. Алексеев не только познакомил русскую аудиторию с «Ляо-Чжай», но и сохранил его глубокое литературное значение.

В предисловии к переизданию 1970 года «Ляо-Чжай» на русском языке, выпущенному Государственным литературным издательством СССР, ученик В. Алексеева Л. Эйдин высоко оценил его вклад в перевод. Он подчеркнул, что именно благодаря В. М. Алексееву советские читатели впервые познакомились с уникальностью «Ляо-Чжай» [Пу Сунлин, 1970].

М. Б. Банковская, дочь В. М. Алексеева, в своей работе «Друзья и недруги Ляо-Чжая» отметила, что В. М. Алексеев использовал свой выдающийся талант переводчика для сохранения и передачи китайской куль-

турной атмосферы произведения. В процессе перевода он стремился к точности и поэтичности, избегая буквального перевода, часто прибегая к метафорическим выражениям, заимствованным словам и созданию новых терминов. Перевод был дополнен многочисленными комментариями, которые помогли сохранить художественные оттенки оригинала. М. Б. Банковская подчеркнула, что В. М. Алексеев и его перевод «Ляо-Чжай» прошли сложный путь передачи китайского литературного языка на русский, и она считает его первым настоящим другом «Ляо-Чжай» в России.

Современный литератор А. О. Мадисон назвал В. М. Алексеева «Василием Михайловичем Пу Сунлином» и заявил, что его перевод «Ляо-Чжай» следует рассматривать не как перевод в традиционном смысле, а как китайскую работу, написанную на русском языке. По мнению А. Мадисона, сильная сторона перевода заключается не только в его литературной ценности, но и в творчестве, которое В. Алексеев привнес в произведение [李逸津, 2012].

#### **(6) Продвижение через издательства**

Перевод на русский язык «Ляо-Чжай» был многократно переиздаваем за более чем сто лет, и, судя по статистике различных издательств, можно выделить *две основные группы*, которые играли ключевую роль в его распространении: государственные издательства, ориентированные на востоковедение и литературу, а также коммерческие издательства.

Государственные издательства, такие как Государственное издательство литературы и искусства СССР, сыграли важную роль в публикации классических произведений русской, советской и зарубежной литературы, а также книг по литературоведению и критике. Важно отметить, что в распростране-

нии «Ляо-Чжай» также участвовало Московское образовательное издательство, основанное в 1945 году и входящее в систему Российской академии образования. Оно издавало не только педагогические книги, но и произведения для широкой аудитории, включая научно-популярные издания и энциклопедии для детей.

Издательства, ориентированные на востоковедение, такие как Санкт-Петербургский Центр востоковедения и Московское издательство восточной литературы, также сыграли ключевую роль в распространении перевода «Ляо-Чжай». Центр востоковедения в Санкт-Петербурге является вторым по величине востоковедным издательским центром России, выпускающим научные работы по востоковедению, этнологии, археологии и переводы важнейших трудов по традиционной культуре Востока. Московское издательство восточной литературы, основанное в 1957 году и входящее в состав издательского центра Российской академии наук, специализируется на публикации научных трудов и произведений, посвященных странам Востока и Африки.

Коммерческие издательства начали издавать «Ляо-Чжай» с осознанием его популярности и большого читательского интереса в России. Санкт-Петербургское коммерческое издательство «Пальмира» сыграло свою роль в выпуске множества переизданий произведения. Эти коммерческие усилия свидетельствуют о востребованности «Ляо-Чжай» на книжном рынке и его значимости для русскоязычного общества.

Многочисленные переиздания «Ляо-Чжай» в России стали не только отражением его популярности, но и доказательством признания и принятия этого произведения русским обществом. Эти

издания способствовали распространению «Ляо-Чжай» в России и подготовили почву для его признания как классики в русскоязычном мире.

#### **Влияние перевода «Ляо-Чжай» на русскую литературу**

Перевод «Ляо-Чжай» и работы В. М. Алексеева оказали глубокое влияние на русскую литературу, наиболее заметно оно проявилось в творчестве самого В. М. Алексеева. В 1928 году он написал сатирический рассказ «楚生» («Студент Чу»), основанный на истории одного из его студентов, Ю. К. Щуцкого, чье китайское имя было «Чу». В этом произведении В. Алексеев описывает «Секту Синих Дьяволов», которая является пародией на «Белый Лотос» из «Ляо-Чжай». Образ «синих дьяволов» используется для сатиры на невежд, встречающихся в учебных заведениях.

В тот же год В. Алексеев написал еще один сатирический рассказ «Тысяча рук (продолжение старой истории)», в котором использует образ одного из своих студентов – Б. Васильева. Он выражает свое недовольство по поводу направлений, в которых эти студенты стремились развиваться, критикуя их за легкомысленность и поверхностное отношение к делу.

В 1925 году его студенты, Ю. Щуцкий и Б. Васильев, написали произведение «Хэ-шан – изгнатель бесов», которое является сатирической пародией на своего преподавателя. Этот рассказ заимствует структуру и стиль «Ляо-Чжай», включая аннотации и послесловия, характерные для перевода В. М. Алексеева. В конце XX века русский писатель М. И. Успенский создал трилогию о мифическом герое по имени Жихарь, явно вдохновленную переводом В. Алексеева. В начале XXI века известные русские востоко-

веды и переводчики И. А. Алимов и В. М. Рыбаков, работавшие под псевдонимом «Хольм ван Зайчик», опубликовали серию фантастических романов, включая произведение «Дело лисоборотней. Дело победившей обезьяны. Дело Судьи Ди (сборник)», которое явно носит следы влияния перевода «Ляо-Чжай» В. Алексеева. Название и сюжет этого романа явно отсылают к одному из рассказов из «Ляо-Чжай».

Современные российские писатели, такие как Виктор Пелевин, также ощущают влияние перевода «Ляо-Чжай» и стиля В. М. Алексеева. В его романе «Священная книга оборотня» (2004) присутствуют элементы, взятые из «Ляо-Чжай», в частности, рассказы о лисах, что является отголоском традиции китайской мифологии. В других произведениях Пелевина также можно увидеть использование фантастических сюжетов, через которые он выражает свои философские идеи, что напоминает стиль повествования Пу Сунлина [雷丽斯 2021].

Таким образом, переводы «Ляо-Чжай» в русской литературе стали важным культурным феноменом, который оказал влияние не только на литературные традиции, но и на творчество целого ряда российских писателей, прочно связывая китайскую литературу с русской литературной традицией.

#### **Заключение**

Канонизация перевода литературы – это сложный и многогранный процесс. Канонизация «Ляо-Чжай» в России стала возможной благодаря взаимодействию нескольких факторов: высокого качества исходного текста, работы профессионалов, включая переводчиков, критиков, востоковедов и издателей. Перевод и распространение «Ляо-Чжай» в русскоязычном мире продолжались более века, что подтверждается

многочисленными изданиями и повторными публикациями классических переводов. Успех классической трансляции «Ляо-Чжай» можно объяснить *четырьмя ключевыми аспектами:*

*Во-первых*, это работы известных востоковедов – переводчиков, обладающих глубокими знаниями китайской культуры и языка. Эти ученые не только преподавали в известных университетах, но и публиковали многочисленные научные труды, что гарантировало высокий уровень перевода. Их переводы соответствовали индивидуальным предпочтениям русскоязычных читателей, сохраняя поэтическую ценность «Ляо-Чжай», что способствовало его популярности и признанию среди российской аудитории, открывая путь к статусу классического произведения.

*Во-вторых*, это положительные рецензии критиков, которые имели влияние в культурной и литературной среде, способствовали более широкому распространению «Ляо-Чжай» в России и его признанию как классики. В частности, отзывы известных востоковедов, таких как Н. Конрад, помогли закрепить текст в русской литературной традиции.

*В-третьих*, издательства, специализирующиеся на восточной литературе, сыграли важную роль в распространении «Ляо-Чжай» как классического произведения. Эти издательства поль-

зовались большим авторитетом и влиянием в литературной среде, что способствовало успешному распространению «Ляо-Чжай» в России.

*В-четвертых*, преподавание произведения в высших учебных заведениях также сыграло ключевую роль. Введение «Ляо-Чжай» в учебные программы подтверждает его признание в качестве части основного культурного и литературного канона, что стало важным фактором в его классическом статусе.

«Ляо-Чжай» как вершина китайской классической литературы в жанре коротких рассказов на литературном китайском языке, в процессе перевода и классической репрезентации в России предоставляет полезный опыт для дальнейшего распространения китайских классических текстов в рамках культурной глобализации. Путь «Ляо-Чжай» в русскоязычную литературу не только иллюстрирует основные идеи и эволюцию китайской литературы за рубежом, но и способствует расширению влияния китайской культуры в русскоязычном мире. Таким образом, «Ляо-Чжай» в русскоязычной литературной системе был реконструирован как классическое произведение, которое продолжает оставаться важным элементом культурного обмена и взаимопонимания между Китаем и Россией.

#### Библиографический список

1. Алексеев В. М. Странные истории из Кабинета неудачника. Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2000. 784 с.
2. Алексеев В. М. В старом Китае: дневники путешествия 1907 г. Москва : Восточная литература, 1958. 312 с.
3. Алексеев В. М. Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о чудесах / сост. Л. З. Эй-длин. Москва : Художественная литература, 1973. 576 с.
4. Баньковская М. В. Друзья и недруги Ляо Чжая: Попытка послесловия / Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай чжи и). Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2000. С. 726-770.
5. Васильев В. М. Очерк истории китайской литературы. Переиздание на русском и китайском языках / Перевод на китайский язык Янь Годуна. Санкт-Петербург : Институт Конфуция в СПбГУ, 2016. 334 с.

6. Добровольская С. Сказки Китая и Японии. Ставрополь : Книжное издательство, 1989. 511 с.
7. Конрад Н. И. Перевод и предисловие В. М. Алексева // Восток. 1925. №5. С. 1-7.
8. Конрад Н. И. Рецензия на Рассказы ЛяоЧжая // Избранные труды Синология. Москва : Наука, 1977. С. 595-604.
9. Мамаев Р. М. Китайская литература. Хрестоматия. Т.1. Москва : Учпедгиз. 1959. 728 с.
10. Пу Сунлин Лисьи чары Рассказы Ляо Чжая о чудесах / в пер. с кит., [предисл., с. 9-24, и коммент.] акад. В.М. Алексева ; [Сост. и подготовка текста Л. З. Эйдлина]. Москва : Художественная литература., 1970. 383 с.
11. Рифтин Б. Л. Классическая проза Дальнего Востока. Москва : Художественная литература, 1975. 912 с.
12. Рифтин Б. Л. Новеллы Пу Сунлина в переводах акад. В. М. Алексева // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика : сб.ст. Москва : Восточная литература, 2008. С. 113-203.
13. Строжук А.Г Пу Сунлин. Ляо Чжай Чжи и (Странные истории из кабинета неудачника). Т.1. Санкт-Петербург : СПбГУ, 2022. 569 с.
14. Сторожук А. Г. "LIAO ZHAI ZHIYI" IN RUSSIA // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: гуманитарные науки. 2019. №10. С. 1943-1953.
15. Устин П. М. Пу Сунлин и его просветительские взгляды // Труды межвузовской научной конференции по истории литератур зарубежного Востока. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 272-277.
16. Устин П. М. Некоторые особенности поэтической цитаты в новеллах Пу Сунлина // Вопросы китайской филологии. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1974. С. 89-93.
17. Чечёв Я. Д. История издания первой китайской книги во «Всемирной литературе». Новые подробности о «Лисьих чарах» Пу Сунлина // Текст Книга. Книгоиздание. 2024. №34. С. 50-63.
18. Фишман О. Л. В. М. Алексеев – исследователь и переводчик Ляо Чжая // Литература и культура Китая. К 90-летию со дня рождения В. М. Алексева. Москва : Наука, 1972. С. 46-53.
19. [俄] 班科夫斯卡娅.聊斋的朋友与冤家.阎国栋、王培美、岳巍译[J].蒲松龄研究, 2003(02):115-128.
20. [俄] 瓦西里耶夫.中国文学史纲要[M]阎国栋译.北京: 中央编译出版社, 2016. 425 с.
21. 查明建.文化操纵与利用:意识形态与翻译文学经典的建构——以 20 世纪五六十年代中国的翻译文学为研究中心[J].中国比较文学, 2004(2):86-102.
22. 高玉海.俄罗斯百年“聊斋学”史料编年[J]. 蒲松龄研究, 2021(04):116-132.
23. 郭皓政.一部诗意的“历史”——论《聊斋志异》的文本性质与历史品格[J]. 蒲松龄研究, 2006(1):15-26.

24. 韩丹;张志军.《聊斋志异》俄译风格与接受研究[J].中国俄语教学, 2023, 42(04):67-77.
25. 胡安江.翻译文本的经典建构研究[J].外语学刊, 2008 (05):93-96.
26. 雷丽斯.《聊斋志异》在俄罗斯的译介[J].华中学术, 2021 ,13(02):258-268.
27. 李明滨.中国文献俄罗斯传播史[M].北京:学院出版社,2011. 343 c.
28. 李逸津.跨越时空的心灵沟通——B·M·阿列克谢耶夫“聊斋学”成功奥秘探论[J].山东社会科学, 2012(4):39-43.
29. 鲁迅.中国小说史略.北京:人民文学出版社, 2022. 359 c.
30. 宋学智.何谓翻译文学经典[J].中国翻译, 2015 ,36 (01):24-28+126.
31. 王恩科.翻译文学经典的独特品格[J].长安大学学报(社会科学版), 2011,13 (04):115-120+124.
32. 王晔.苏联汉学家阿理克的《聊斋志异》俄译本研究[J].国际汉学, 2017(02):87-94+205
33. 许一飞.唐诗在西班牙语世界的经典化路径探析[J].中国翻译, 2019,40(02):61-67, 191-192.
34. 尹雪艺.深度翻译视角下阿列克谢耶夫《聊斋志异》俄译研究[D] 大连外国语学院, 2024.
35. 朱倩倩.《聊斋志异》俄译本中文化负载词的翻译初探[D] 上海外国语大学, 2017.

#### Reference list

1. Alekseev V. M. Strannye istorii iz Kabineta neudachnika = Weird stories from the Cabinet of the Loser. Sankt-Peterburg : Peterburgskoe vostokovedenie, 2000. 784 s.
2. Alekssev V. M. V starom Kitae: Dnevnik puteshestvija = In Old China: Travel diaries 1907 g. Moskva : Vostochnaja literatura, 1958. 312 s.
3. Alekseev V. M. Pu Sun-lin. Rassказы Ljao Chzhaja o chudesah = Pu Songling . Liao Zhai's Tales of miracles / Sost. L. Z. Jejdlin. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1973. 576 s
4. Ban'kovskaja M. V. Druz'ja i nedrugi Ljao Chzhaja: Popytka posleslovija = Friends and foes of Liao Zhai: An attempt at an afterword / Pu Sun-lin. Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika (Ljao Chzhaj chzhi i). Sankt-Peterburg : Peterburgskoe vostokovedenie, 2000. C. 726-770.
5. Vasil'ev V. M. Oчерk istorii kitajskoj literatury. Pereizdanie na russkom i kitajskom jazykah = An essay on the history of Chinese literature. Reprinted in Russian and Chinese / Perevod na kitajskij jazyk Jan' Goduna. Sankt-Peterburg : Institut Konfucija v SPbGU, 2016. 334 c.
6. Dobrovol'skaja S. Skazki Kitaja i Japonii = Chinese and Japanese fairy tales. Stavropol' : Knizhnoe izdatel'stvo, 1989. 511 s.
7. Konrad N. I. Perevod i predislovie V. M. Alekseeva = Translation and foreword by V. M. Alekseyev // Vostok. 1925. №5. C. 1-7.

8. Konrad N. I. Recenzija na Rasskazy Ljao Chzhaja = Review of Liao Zhai's Stories // Izbrannye trudy Sinologija. Moskva : Nauka, 1977. S. 595-604.
9. Mamaev R. M. Kitajskaja literatura. Hrestomatija. T.1 = Chinese literature. Reader. Vol.1. Moskva : Uchpedgiz. 1959. 728 s.
10. Pu Sunlin Lis'i chary Rasskazy Ljao Chzhaja o chudesah = Fox Charms Liao Zhai's Tales of Miracles / v per. s kit., [predisl., s. 9-24, i komment.] akad. V. M. Alekseeva ; [Sost. i podgotovka teksta L.Z. Jejdina]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1970. 383 s.
11. Riftin B. L. Klassicheskaja proza Dal'nego Vostoka = Classical prose of the Far East. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1975. 912 s.
12. Riftin B. L. Novel'ly Pu Sun-lina v perevodah akad. V. M. Alekseeva = Novels of Pu Songling in translations by Academician V. M. Alekseev. // Vostochnaja klassika v russkikh perevodah: obzory, analiz, kritika: sb.st. Moskva : Vostochnaja lit., 2008. S. 113-203.
13. Strozjuk A.G Pu Sun-lin. Ljao Chzhaj Chzhi i (Strannye istorii iz kabineta neudachnika) = Pu Songling. Liao Zhai Zhi Yi (Strange Tales from the Loser's Studio). T.1. Sankt-Peterburg : SPbGU, 2022. 569 s.
14. Storozjuk A.G . "LIAO ZHAI ZHIYI" IN RUSSIA // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Serija: gumanitarnye nauki. 2019. №10. C. 1943-1953.
15. Ustin P. M. Pu Sun-lin i ego prosvetitel'skie vzgljady = Pu Songling and his enlightening views // Trudy mezhvuzovskoj nauchnoj konferencii po istorii literatur zarubezhnogo Vostoka. Moskva : Izd-vo Mosk. un-ta, 1970. S. 272-277.
16. Ustin P. M. Nekotorye osobennosti pojeticheskoi citaty v novellah Pu Sun-lina = Some features of poetic quotation in Pu Songling's short stories // Voprosy kitajskoj filologii. Moskva : Izd-vo Mosk. un-ta, 1974. S. 89-93.
17. Chechjov Ja. D. Istorija izdanija pervoj kitajskoj knigi vo «Vsemirnoj literature». Novye podrobnosti o «Lis'ih charah» Pu Sunlina = The story of publishing the first Chinese book in the series World Literature. New details about Pu Songling's "Fox Charms" // Tekst Kniga. Knigoizdanie. 2024. №34. C. 50-63.
18. Fishman O. L. V. M. Alekseev — issledovatel' i perevodchik Ljao Chzhaja = V. M. Alexeev – a researcher and translator of Liao Zhai // Literatura i kul'tura Kitaja. K 90-letiju so dnja rozhdenija V. M. Alekseeva. Moskva : Nauka, 1972. S. 46-53.
19. [俄] 班科夫斯卡娅. 聊斋的朋友与冤家. 阎国栋、王培美、岳巍译[J]. 蒲松龄研究, 2003(02):115-128.
20. [俄] 瓦西里耶夫. 中国文学史纲要[M]阎国栋译. 北京: 中央编译出版社, 2016. 425 s.
21. 查明建. 文化操纵与利用: 意识形态与翻译文学经典的建构——以 20 世纪五六十年代中国的翻译文学为研究中心[J]. 中国比较文学, 2004(2):86-102.
22. 高玉海. 俄罗斯百年“聊斋学”史料编年[J]. 蒲松龄研究, 2021(04):116-132..
23. 郭皓政. 一部诗意的“历史”——论《聊斋志异》的文本性质与历史品格[J]. 蒲松龄研究, 2006(1):15-26.
24. 韩丹; 张志军. 《聊斋志异》俄译风格与接受研究[J]. 中国俄语教学, 2023, 42(04):67-77.
25. 胡安江. 翻译文本的经典建构研究[J]. 外语学刊, 2008 (05):93-96.
26. 雷丽斯. 《聊斋志异》在俄罗斯的译介[J]. 华中学术, 2021 ,13(02):258-268.

27. 李明滨.中国文献俄罗斯传播史[M].北京:学院出版社, 2011. 343 s.
28. 李逸津.跨越时空的心灵沟通——В·М·阿列克谢耶夫“聊斋学”成功奥秘探论[J].山东社会科学, 2012(4):39-43.
29. 鲁迅.中国小说史略.北京:人民文学出版社, 2022. 359 s.
30. 宋学智.何谓翻译文学经典[J].中国翻译, 2015, 36 (01):24-28+126.
31. 王恩科.翻译文学经典的独特品格[J].长安大学学报(社会科学版), 2011,13 (04):115-120+124.
32. 王晔.苏联汉学家阿理克的《聊斋志异》俄译本研究[J].国际汉学, 2017(02): 87-94+205.
33. 许一飞.唐诗在西班牙语世界的经典化路径探析[J].中国翻译, 2019,40(02):61-67, 191-192.
34. 尹雪艺.深度翻译视角下阿列克谢耶夫《聊斋志异》俄译研究[D] 大连外国语学院, 2024.
35. 朱倩倩.《聊斋志异》俄译本中文化负载词的翻译初探[D] 上海外国语大学, 2017.

Статья поступила в редакцию 11.01.2025; одобрена после рецензирования 04.02.2025; принята к публикации 21.02.2025.

The article was submitted on 11.01.2025; approved after reviewing 04.02.2025; accepted for publication on 21.02.2025